ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЛОДОСТИ.

Въ 1840-мъ году гвардейскимъ корпусомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ былъ человѣкъ крайне вспыльчивый и за самое небольшое упущеніе по службѣ или неисправность въ формѣ одежды взыскивалъ чрезвычайно строго. Взглядъ у него былъ до того наметанъ, что, ѣдучи въ экипажѣ, онъ тотчасъ замѣчалъ малѣйшее отступленіе отъ формы въ проходящемъ по тротуару офицерѣ или нижнемъ чинѣ, даже нечаянно растегнувшуюся пуговицу или крючекъ. Когда онъ распекалъ, то терпѣть не могъ, чтобы ему отвѣчали; но въ обыкновенномъ разговорѣ любилъ ловкій, удачный отвѣтъ, хотя бы иногда и рѣзкій. Великій князь имѣлъ обыкновеніе время отъ времени ходить или ѣздить для того, чтобы изловлять неисправности караульныхъ или дежурныхъ офицеровъ, а также упущенія въ формѣ одежды, въ отданіи чести и проч. Прогулки эти продолжались долго, и великій князь въ эти дни возвращался во дворецъ очень поздно. А между тѣмъ онъ былъ очень добръ, никогда не отказывалъ, въ чемъ могъ помочь, и всякій гвардейскій офицеръ могъ къ нему обращаться по своему личному дѣлу въ опредѣленные на то часы и принимался совершенно-частно, черезъ камердинера, въ кабинетѣ. Бѣднымъ молодымъ людямъ, которые выходили въ офицеры изъ кадетскихъ корпусовъ и были извѣстны великому князю съ хорошей стороны, онъ помогалъ въ обмундировкѣ; бывали и такіе, которымъ онъ ежегодно оказывалъ пособіе. Не ошибаясь можно сказать, что его чрезвычайная строгость и безпощадная взыскательность были отчасти напускныя; они истекали изъ той основной мысли, что пусть за нихъ его бранятъ какъ корпуснаго командира, но лишь бы не роптали на Государя. Онъ обожалъ своего августѣйшаго брата и во всемъ былъ его первымъ вѣрноподданнымъ.

Въ то время, о которомъ я вспоминаю, юнкера принимались только въ гвардейскіе сапёры и конно-піонеры, въ пѣшую и конную артиллерію. Послѣ двухлѣтней службы юнкерами, для производства въ гвардію прапорщиками, сапёры держали экзаменъ въ Инженерномъ училищѣ, въ старшемъ офицерскомъ классѣ (нынѣ Николаевская Инженерная Академія), а артиллеристы въ Артиллерійскомъ училищѣ. Не выдержавшіе этихъ спеціальныхъ экзаменовъ

выходили въ армейскіе полки по своему выбору. Въ остальныхъ гвардейскихъ полкахъ тогда еще юнкеровъ не было, а выпускались они изъ разныхъ кадетскихъ корпусовъ, Пажескаго корпуса, Юнкерской школы, и только около половины 1840-хъ годовъ стали принимать юнкеровъ во всѣ гвардейскіе полки.

Юнкера, какъ нижніе чины, носили мундиры и шинели изъ толстаго сукна, суконный галстукъ, солдатскіе кивера и сабли; разница была лишь въ томъ, что юнкера не могли носить усовъ и, выходя на улицу, должны были быть при саблѣ и въ киверѣ, солдаты-же безъ оружія и въ фуражкѣ. Юнкерамъ воспрещено было ѣздить въ экипажахъ, и какъ солдаты они должны были ходить пѣшкомъ; театры, балы и вообще всѣ общественныя собранія имъ строго запрещено было посѣщать. Почти всѣ поименованныя строгости были излишни; запрещеніе-же ѣздить въ экипажахъ, а ходить всегда и всюду пѣшкомъ было положительно неисполнимо. Юнкера жили у своихъ родителей, большею частью въ центрѣ города, а казармы находились, напримѣръ конно-піонерныя, у Измайловскаго моста, въ такъ называемомъ Гарновскомъ домѣ, и каждое утро къ 7—8 часамъ требовалось быть уже тамъ. Затѣмъ, по окончаніи ученія коннаго или пѣшаго, около 11 часовъ, нужно было возвращаться домой и заниматься приготовленіемъ уроковъ для выдержанія въ свое время весьма серьезнаго экзамена въ старшемъ офицерскомъ классѣ тогдашнихъ Инженернаго или Артиллерійскаго училищъ. Вотъ и приходилось подъ большимъ рискомъ, могущимъ испортить всю будущность молодаго человѣка, обходить этотъ законъ. Для этого, недалеко отъ казармъ, въ какомъ нибудь глухомъ переулкѣ, юнкера всѣ вмѣстѣ нанимали одну комнату у бѣднаго семейства. Рано утромъ, когда наступало время отправляться въ казармы, они одѣвались въ штатское платье, пріѣзжали туда, переодѣвались въ надлежащую форму и шли на ученіе. По окончаніи ученія, кто былъ посмѣлѣе, не смотря на поздній часъ, такимъ-же образомъ возвращался домой; ну а кто не обладалъ такою смѣлостью, тотъ шелъ домой пѣшкомъ. Да еще должно добавить, что въ то время приготовляли юнкеровъ по разнымъ предметамъ къ экзамену большею частью инженерные офицеры, но они не иначе соглашались заниматься съ ними какъ у себя на квартирѣ. Все это были люди очень небогатые и жили, кто на Васильевскомъ острову, кто въ Коломнѣ и тому подобныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ города. Спрашивается, была ли возможность ходить пѣшкомъ на эти уроки? И вотъ устраивали такъ, чтобы урокъ приходился вечеромъ, и тогда сверхъ мундира надѣвалась штатская шинель и такая же фуражка на голову.

Въ Декабрѣ 1840 года я поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. конно-піонерный дивизіонъ. Въ Рождественскій-Сочельникъ я былъ званъ къ дядѣ моему князю Сергію Григорьевичу Щербатову на семейную ёлку. Какъ новоиспеченный юнкеръ, я еще не освоился съ солдатской формой; она еще не пришлась мнѣ, такъ сказать, по костямъ; въ особенности давилъ мнѣ голову тя-

желый киверъ, да и тяжелая солдатская сабля на толстой ременной портупеѣ порядкомъ потирала бокъ Я вздумалъ не надѣвать ни кивера, ни сабли, а просто по солдатски, накинувъ шинель и надѣвъ фуражку, отправился въ 7 часовъ вечера на ёлку. Жилъ я съ матушкой и братьями па Михайловской площади, рядомъ съ Дворянскимъ Собраніемъ, въ домѣ Сумбатова, что̀ нынѣ, кажется, Лазарева. Вышелъ я, повернулъ на Михайловскую улицу и только сошелъ съ тротуара, чтобы обойти широкое крытое крыльцо, какъ съ другой стороны (точно также, чтобы обойти тоже самое крыльцо) сошелъ съ тротуара на встрѣчу мнѣ великій князь. Можно себѣ представить, что̀ я почувствовалъ и какъ у меня, 17-ти лѣтняго мальчика, душа ушла, кажется, уже не въ пятки, а дальше сквозь пятки. Ну да дѣлать нечего: я сталъ во фроитъ и по тогдашнему снялъ фуражку. Великій князь сначала, должно быть, принялъ меня за солдата, но тутъ рядомъ предательскій газовый фонарь выдалъ меня. Великій князь громко крикнулъ: Ты, подойди сюда! Я подошелъ. Кто ты? сейчасъ же узналъ меня, громко и весьма сердито проговорилъ: Какъ ты смѣешь въ такой формѣ ходить! и началъ меня всячески распекать. Вокругъ въ почтительномъ отдаленіи собралась порядочная толпа народу разнаго званія. Покричавъ на меня таки довольно долго, съ угрозами, что сошлетъ меня въ Оренбургскіе линейные баталіоны или на Кавказъ, онъ приказалъ мнѣ идти за нимъ.

Поплелся я къ его дворцу. Дорогою онъ не разъ останавливался и опять принимался меня бранить; всякій разъ приходилось снимать фуражку и стоять передъ нимъ, вытянувшись въ струнку; а морозъ-то былъ сильный, и ушамъ порядочно доставалось. Наконецъ пришли мы во дворецъ съ его особеннаго маленькаго подъѣзда, на его половину. Великій князь приказалъ мнѣ остаться въ пріемной, а самъ ушелъ. Какъ я узналъ послѣ, онъ пошелъ обѣдать; онъ въ этотъ день ходилъ именно на ловлю неисправностей, и охота оказалась удачною: поймано были за разныя упущенія 11 офицеровъ, да я двѣнадцатый. Ожидалъ я около 2 часовъ, но мнѣ показалось цѣлою вѣчностью это томительное ожиданіе. Я зналъ, что будетъ строго взыскано, но не могъ знать только, какъ и чѣмъ. Тутъ на память мнѣ пришли разсказы о томъ, какъ за несоблюденіе надлежащей формы случалось, что юнкеровъ немедленно переводили въ армію. У великаго князя въ числѣ прислуги были сѣдые инвалиды унтеръ-офицеры, почтенной и внушительной наружности; двое изъ нихъ подошли ко мнѣ, разспросили меня, добродушно ободряли и удивлялись моей неосторожности. Наконецъ, вошелъ великій князь въ сопровожденіи состоявшаго при немъ генерала-маіора Николая Матвѣича Толстаго *), еще какого-то полковника и своего дежурнаго адъютанта, Василія Сергѣевича Шереметева (впослѣдствіи свояка моего брата Владимира Яковлевича, который, будучи егермейстеромъ, былъ въ концѣ Декабря 1870 года убитъ на царской охотѣ оберъ-егермейстеромъ, графомъ Ферзеномъ).

---

*) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантъ.

Подойдя ко мнѣ, великій князь обратился къ сопровождавшимъ его, указалъ на меня и сердито сказалъ: Вотъ встрѣтился со мною, какъ слѣдуетъ сталъ во фронтъ, но оказался юнкеромъ, и посмотрите, въ какой формѣ! Затѣмъ, приблизившись, осмотрѣлъ мой мундиръ, галстукъ и видя, что я, хоть и безъ кивера и сабли, а всетаки одѣтъ по солдатски въ толстое сукно и суконный галстукъ, спросилъ: Ты вѣдь зналъ, что такъ ходить запрещено? Я слышалъ, что онъ не любитъ, чтобы ему отвѣчали, а потому молчалъ. Онъ опять повторилъ: Я тебя спрашиваю, ты зналъ? Я молчу. Подойдя ко мнѣ совсѣмъ близко, великій князь съ запальчивостью закричалъ: Что̀ ты языкъ что ли проглотилъ, что не отвѣчаешь; говори же, ты зналъ? Я только что началъ было: Зззн.... А, ты еще разговаривать вздумалъ со мною, опять еще запальчивѣе закричалъ великій князь и, повернувшись къ Шереметеву, приказалъ: Вези его къ начальнику инженеровъ; пусть полюбуется, какъ у него ходятъ юнкера, а оттуда, чтобы его отправили въ дивизіонъ и посадили на конюшню; эскадроннаго же его командира на три дня на гауптвахту. Это послѣднее приказаніе было для меня самое чувствительное и тяжелое: изъ за меня сажали на гауптвахту моего ближайшаго начальника, добрѣйшаго Ѳедора Петровича Ставицкаго, а онъ въ это время былъ женихомъ и, можетъ быть готовился весело провести праздники со своей невѣстой.

Шереметевъ поѣхалъ со мною въ дежурныхъ санкахъ къ Таврическому саду, въ саперныя казармы, гдѣ жилъ начальникъ инженеровъ г.-м. Павелъ Александровичъ Витовтовъ [1]). Это былъ честный, обходительный, добрый человѣкъ. Доро̀гою я просилъ Шереметева дать знать моей матушкѣ, куда я попалъ и какъ я очутился не на ёлкѣ, а на конюшнѣ. Генералъ Витовтовъ, выслушавъ сперва Шереметева, а потомъ меня, гдѣ и какъ я попался, сдѣлалъ мнѣ очень добродушно выговоръ и окончилъ его словами: Вы-съ пошли не по формѣ одѣтые-съ, въ фуражкѣ по такой-съ улицѣ, по которой мы и въ шляпахъ-то боимся ѣздить, и дѣйствительно такъ-съ (генералъ имѣлъ привычку въ разговорѣ прибавлять слова: и дѣйствительно такъ, и частичку съ). Видя, что я совсѣмъ перезябъ, ѣхавъ въ сильный морозъ въ холодной солдатской шинели, онъ приказалъ подать мнѣ чаю, покуда въ канцеляріи писали обо мнѣ бумагу. По изготовленіи ея генералъ подписалъ, и адъютантъ сапернаго баталіона Фитингофъ повезъ меня въ казармы конно-піонернаго дивизіона, гдѣ сдалъ дежурному офицеру Александру Николаевичу Лонгинову [2]), который отвелъ меня къ командиру дивизіона полковнику Петру Михайловичу Дарагану [3]). Тутъ я выслушалъ очень строгую распеканцію и отправился на конюшню.

---

[1]) Впослѣдствіи начальникъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, когда ими командовалъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи тогда наслѣдникомъ престола.

[2]) Впослѣдствіи былъ адъютантомъ Кавказскаго намѣстника графа Воронцова и убитъ въ экспедицію 1845 года. Это братъ извѣстнаго писателя М. Н. Лонгинова.

[3]) Впослѣдствіи былъ Тульскимъ губернаторомъ.

Тогда кавалерійскихъ нижнихъ чиновъ арестовали саженіемъ на конюшню на болѣе или менѣе долгій срокъ, смотря по проступку или, лучше сказать, по произволу начальства. Посаженный такимъ образомъ считался дневальнымъ, и когда начальство приходило, онъ обязанъ былъ брать метелку и, держа ее у ноги, какъ ружье, вытянуться, не снимая фуражки. Все это продѣлывать досталось и мнѣ. Подобный арестъ былъ отчасти и физическое наказаніе не слишкомъ полезное для здоровья: приходилось безотлучно находиться въ конюшнѣ порядочно-сырой, сидѣть на передвижной небольшой узенькой скамейкѣ, на ней и обѣдать, и чай пить, такъ какъ, конечно, стола не было; спать въ пустомъ стойлѣ. Въ Петербургѣ зимою, особенно въ Декабрѣ мѣсяцѣ, съ третьяго часа становится темновато, въ конюшнѣ же гораздо ранѣе; свѣчки, разумѣется, зажечь нельзя, и свѣтъ проходилъ только отъ фонарей, въ верху около потолка повѣшенныхъ; этого свѣту такъ недостаточно, что читать и писать нѣтъ возможности. Вотъ и сидишь въ полусвѣтѣ между лошадьми, почти съ двухъ часовъ дня ничего не дѣлая!

Такъ и просидѣлъ я съ вечера Рождественскаго Сочельника, встрѣтивъ тутъ праздники и новый годъ, до утра Крещенскаго Сочельника. Въ это утро мнѣ объявлено было, что арестъ мой окончился, и я свободенъ. Я пробылъ 12 дней и, освободившись, былъ весьма доволенъ; но все-таки долгое сидѣнье подъ арестомъ при такой обстановкѣ оставило во мнѣ нѣкоторое озлобленіе, по тогдашнимъ моимъ лѣтамъ, разумѣется, не на долго.

Около недѣли спустя, идя по Дворцовой набережной возлѣ Лѣтняго Сада, увидѣлъ я великаго князя, который пѣшкомъ шелъ мнѣ на встрѣчу. Будучи безукоризненно одѣтъ по формѣ, я смѣло сталъ во фронтъ. Великій князь поздоровался со мною, какъ здоровается начальство съ нижнимъ чиномъ, остановился и спросилъ, куда я иду? Я промолчалъ; онъ повторилъ вопросъ: Куда же ты идешь?—Не знаю, ваше императорское высочество, отвѣчалъ я. —Какъ не знаешь! возразилъ великій князь.—Ваше императорское высочество, сказалъ я, въ Рождественскій Сочельникъ я шелъ на ёлку, а попалъ на конюшню; теперь же не знаю, куда я попаду. Великій князь молча улыбнулся, слегка погрозилъ пальцемъ и пошелъ, а я отправился своею дорогою.

Да, въ 53 года много, куда какъ много все измѣнилось. Кажется, и тѣни прежняго не остается.

Н. Скарятинъ.